

Новая 2003-2003-25-27-с.21.

БУМАЖНАЯ КИНОЛЕНТА

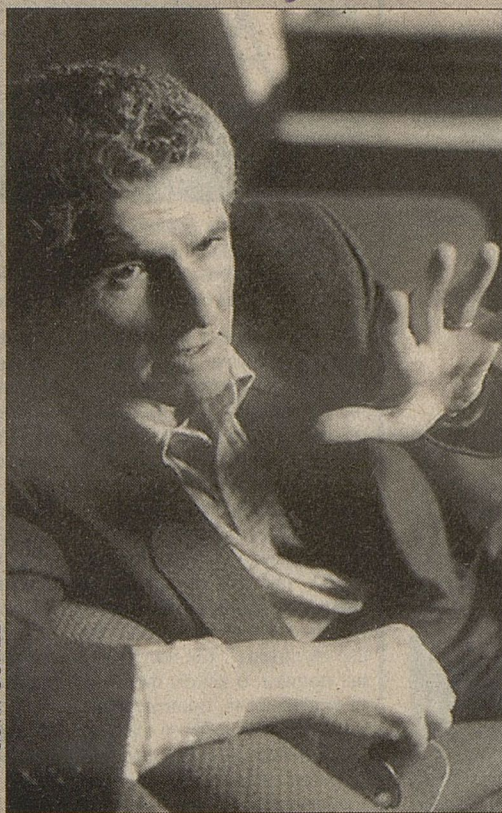
Клод Лелуш снял более тридцати фильмов. Среди них — «Жить, чтобы жить», «Человек, который мне нравится», «Хулиган», «Смик, смак, смок», «Приключение есть приключение», «Эдит и Марсель» (история самой счастливой и самой трагической любви великого Пиафа), «Жизнь, любовь, смерть», ремейк «Отверженных», в котором действие перенесено в годы Второй мировой, а ведущей стала тема холокоста... А самый знаменитый фильм Лелуша, «Мужчина и женщина», увенчан канскими пальмами, «Оскарами» и любим разнообразными народами по сей день.

У него снимались Ануэ Эме, Жан Луи Трентиньян, Жан-Поль Бельмондо, Анни Жирардо, Жак Брель, Мишель Морган, Серж Реджани, Катрин Денев, Жак Дютрон, Лино Вентура. И, увы, не успел сняться Жан Габен (замечательную историю этого проекта читайте ниже).

Блестящие художники, с которыми работал Лелуш — режиссер и продюсер, — стали в 2001 году персонажами его мемуаров «Баловень судьбы».

Русский перевод ироничной и изящной книги Клода Лелуша выйдет в самом конце августа в издательстве «Вагриус». Публикуем фрагменты воспоминаний.

● Отдел культуры

Gavin SOREL

Клод ЛЕЛУШ:

ЧАПЛИН И ГАБЕН, ВОТ С КЕМ НЕ ПОВЕЗЛО

Как автор «Мужчины и женщины» хотел снять фильм про старого альфонса и познакомился со своим кумиром

Первый фильм, который меня потряс, назывался «Великая иллюзия». Меня потрясли история этих людей, их побег из концлагеря во время Первой мировой войны, отношения между ними... Актеры словно не играли, а жили на экране. Конечно, они ведь все были великими (Пьер Френэ, Далио, Жан Габен, Карретт, Эрик фон Штрогейм...), но ими еще и замечательно руководил Жан Ренуар.

Мне кажется, именно он приоткрыл мне тайну работы с актерами. И именно великие французские актеры определили больше всего мой путь в кино. Ремю, Гарри Бор, Мишель Симон, Пьер Брассер, Жюль Берри были, сами о том не подозревая, моими учителями. Они задавали мне тон. По мере того как я прислушивался к ним, у меня развивался талант режиссера.

Но среди всех них был один — тот, кто больше остальных на меня повлиял, меня поразило, кого я видел в «Великой иллюзии» и кто в пору моей юности снимался ежегодно в двух лентах и поэтому сопутствовал моему становлению как личности, — Жан Габен...

Жан Габен — последний альфонс

Папаша Тулонез, Красавчик, Старикан... Сейчас я покорен им еще больше, чем в дни моей юности. А он сидит передо мной в ресторане «Ла Марэ» и уплетает гольца под белым соусом, орудуя вилкой так же, как крестьянин вилами собирает сено в стог. Он уже расправился с парой дюжины устриц и бутылкой «Мерсо», не снижая темпа. Я, привыкший есть немного, за ним не успеваю.

С Габеном все начинается в момент застолья. А то, что начинается сегодня за обедом, возможно, является воплощением одной из самых больших моих грехов, которая родилась во мне с того са-

мого дня, как я взял в руки кинокамеру: снять фильм с Жаном Габеном.

— Знаешь, парень...

Так он называет всех, кому меньше шестидесяти.

— Знаешь... Ты первый из «Новой волны», кто позвал меня. Мне это ужасно приятно.

Он откровенен. Я знаю, что Габен всегда немного жалел, что никто из «Новой волны» его не приглашает. Несмотря на свой вид понтифика, он в душе любит молодых киношников и

Жан Габен

страдает от их презрения, чувствуя себя «списанным в архив». Что до меня, то не буду отрицать: мое довольно сдержанное отношение к «Новой волне» отчасти объясняется тем, что ее представители решили отказаться от таких актеров, как Жан Габен, Мишель Морган, Серж Реджани, Лино Вентура... Даже Жан Луи Трентиньян заинтересует их, лишь когда ему будет за пятьдесят. После этого я начал сомневаться в их способности разбираться в актерах. Я, увы, вынужден разочаровать моего соотечественника:

— Знаете, Жан, на самом деле я не принадлежу к «Новой волне».

Он удивлен:

— Да? А ты ведь даже моложе их.

Я улыбаюсь и вкратце поясняю, какие между нами существуют разногласия. Габен с неопределенным выражением лица говорит:

— Во всяком случае, если я у тебя снимусь, это будет мой последний фильм.

Я бурно возражаю, уверяю его, что впереди у него еще много лет работы. Его взгляд — тяжелый, как у человека, который видит вдалеке конец пути. И не питает никаких иллюзий. Ни по какому поводу. Особенно в отношении себя. Эта прозорливость не мешает ему, однако, внимательно следить за историей, которую я ему рассказываю (а он слушает), с дотошностью агронома, изучающего первые всходы.

Я начал штурмовать Габена в тот момент, когда подали морепродукты.

— Так вот. Это история старого обольстителя, старого альфонса...

Габен смотрит на меня набычившись. Я, возможно, злоупотребил словом «старый», забывая, что он в свои семьдесят еще достаточно кокетлив. И торопливо добавляю:

— Короче — человека, который всю свою жизнь был на содержании у женщин...

На губах Старикана появляется первая улыбка. Я продолжаю:

— Он уже ни много ни мало как лет двадцать назад отправился на покой, полагая, что такая деятельность ему более не по возрасту. Но в один прекрасный день у него возникают проблемы с деньгами. Есть лишь один способ с ними справиться — взяться за свою прежнюю работу. И он вынимает из сундуков старые наряды, садится на диету и начинает заниматься спортом. А поскольку его всю жизнь содержали дамы старше, чем он, на сей раз этот господин нацеливается на дам восьмидесяти и более лет. Но где же найти женщин такого возраста при деньгах? На борту роскошного теплохода. Итак, наш герой пускается в морское путешествие (предварительно раздобыв займы денег) и начинает действовать... зная, что это — в последний раз. В некотором роде его лебединая песнь. Он вновь повторяет слова и фразы, которые произносил всю жизнь. И изум-

ляется, видя, что они по-прежнему производят впечатление!

Габен — исключительный слушатель. Я чувствую, как его внимание на меня давит, почти что пугает меня. Разумеется, при этом он — отдадим ему должное — не перестает жевать, но буквально сверлит меня взглядом. И по ходу моих объяснений его губы растягиваются в улыбку. К концу рассказа он все чаще сотрясается от хохота.

— Я уже вижу тут себя, парень! — восклицает он, радостный, как мальчишка. — Шины БСА — экстра-класс! Я уже чувствую, что развлекусь на все сто! Ну а что там в конце?

Я на мгновение застываю, не зная что сказать. И со смущенным видом признаюсь, что еще не придумал подходящего финала. Он пожимает плечами под курткой из английского твида.

— Пфф... Ну и ладно. Я доверяю твоей фантазии. Ты это поджаришь нам как следует, с лучком.

Я искренне надеюсь, что так и случится.

В течение следующих нескольких месяцев Габен время от времени звонит мне, чтобы предложить кое-какие идеи по поводу финала. Ни одна из них нас до конца не устраивает, но я с удовлетворением отмечаю, что мое предложение запало ему в душу.

— Вчера, сидя в ресторане, — говорит он мне однажды шутя, — я развлекался тем, что придумал за одну старухой, чтобы попробовать. И знаешь, у меня еще о-го-го как получается!

Я подхватываю в том же духе:

— А почему бы вам не попробовать с кем-нибудь из молоденьких?

— С молоденькими-то никогда нет проблем, — отвечает он мне в тон. — Пожилые более недоверчивы.

Старикан даже нашел название для фильма: «Последний альфонс». Но, увы, умер прежде, чем мы с ним нашли подходящий финал.

Чаплин: Чарльз и Уна

Чаплин. Знакомство

Секретарша распаивает дверь моего кабинета — обычно это не в ее привычках.

— Господин Чарли Чаплин внизу! — сообщает она, не помня себя от восторга.

Мне остается только разделить ее восторг. Чарли! Здесь! В моих «Фильмах 13»!

— Но... Зачем он приехал? — задаю я абсолютно идиотский вопрос.

— Он заказал у нас зал для просмотра своего фильма «Король в Нью-Йорке».

Если я на мгновение и успел потешить себя тщеславной мыслью, что Чаплин приехал ради меня, тем хуже мне. Не раздумывая, я бросаю телефонную трубку, обрвав разговор, и скатываюсь по лестнице кубарем на два этажа вниз, в подвал.

Чарли стоит там! Этот старичок маленького роста, седовласый, утопающий в не по размеру огромном плаще, не имеет уже ничего общего с бессмертной фигурой в котелке и с бамбуковой тростью. Но это, без сомнения он, здесь! Ему осталось спуститься на несколько ступенек вниз, в зал.

Жена Чаплина, Уна, ведет его под руку. Я бросаюсь к нему и поддерживаю его с другой стороны. Чарли благодарит меня, не глядя в мою сторону, лишь устало кивнув головой. Я пребываю на седьмом небе от мысли, что касаюсь руки Чарли Чаплина! Мы с Уной буквально вносим его в зал и помогаем ему устроиться в глубоком кожаном кресле. Чаплин с облегчением вздыхает.

Подняв голову, он наконец замечает меня. На его лице не отражается никаких особых чувств. Он просовывает руку под плащ, нащупывает внутренний карман пиджака. Что-то ищет... Через несколько секунд он вынимает банкетку и с улыбкой протягивает мне. Он принял меня за портье фирмы «Фильмы 13»!

Клод Лелуш и Ариана Мнушкина

Русский Мольер

— Моя дочь совершенно сумасшедшая! — заявляет Александр Мнушкин, нагрянувший ко мне в кабинет.

Я улыбаюсь. В том, что Ариана Мнушкина склонна к крайностям, что она — натура увлекающаяся и неуемная, сомневаться не приходится, но сумасшедшей ее не назовешь никак. Ее знаменитый театр «Солей» благодаря смелости и неизменной оригинальности постановок является гордостью французской сцены. <...>

— Ты знаешь, что она задумала? — не унимается Александр.

— Пока что нет.

— Мольера! Она хочет снять шикарный фильм про жизнь Мольера!

— Это прекрасный проект...

— Но ты представляешь себе, сколько это может стоить?

Я со вздохом говорю:

— Разумеется, очень много.

— Ты должен ей помочь! — неожиданно заключает Мнушкин. — Сам я этого сделать не могу. По крайней мере открыто. Значит, ты будешь ее продюсером, а я втайне буду тебя финансировать.

Ей-богу, отношения между Мнушкиным и его дочерью навсегда меня заворожали. Он восхищается ею и любит ее неистово и горячо, как это свойственно русскому характеру. Сколько раз, когда мы с ним выезжали на поиски натуры, он рассказывал мне о ней, и всегда — с неизменным восторгом! Сколько раз я заставлял его с жадностью читать статьи, посвященные Ариане и ее театру! Но, стыдясь своих чувств, он никогда не разрешал мне рассказывать об этом дочери. <...>

Я соглашаюсь на предложение Мнушкина как из дружеского отношения к нему, так и из восхищения

перед Арианой и интереса к ее проекту. Ее «Мольер» обещает стать произведением грандиозным и великолепным, в которое я в качестве продюсера хотел бы внести свою лепту. В качестве режиссера тоже. Мольер для меня — в некотором смысле первооткрыватель в области работы с актерами. Именно он начал делать то, что всю жизнь пытаюсь осуществить и я.

Разумеется, шила в мешке не утаишь. Очень скоро мы с Александром официально становимся совместными продюсерами «Мольера» Арианы Мнушкиной. <...>

Постановочных фантазий основательницы театра «Солей» никак не учитывают финансовые сметы, и перерасходы случаются сплошь и рядом. Но по завершении этой безумной затеи мы награждены на редкость великолепным фильмом, который насквозь пропитан театром, но отнюдь не является заснятым на пленку спектаклем. Это настоящий кинофильм, где главный герой — театр. <...> Выйдя на экраны, он, надо признать, не имел бешеного кассового успеха. И тем не менее я сохраняю о нем прекрасные воспоминания как продюсера. Я горжусь, что принимал участие в его создании.

27.08.03